

Л. Н. Куваева

ХРИСТИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается особая общественная социально-воспитательная роль русской классической литературы, а также изучения христиански ориентированных текстов, и, прежде всего, самой Библии, в школе.

Ключевые слова: литература, христианские тексты, обучение и воспитание в школе.

L. N. Kuvayeva

CHRISTIAN TRADITION IN RUSSIAN LITERATURE

The article deals with a particular public and social educational role of the Russian classical literature and studying the role of Christian-oriented texts, and, above all, the Bible at school.

Keywords: literature, Christian texts, training and education in schools.

Русское православие столкнулось с собственно художественной литературой исторически недавно, сосуществует с ней около двухсот лет. Прозорливые православные мыслители раскрыли его важный для христиан смысл. Православный взгляд на литературу, в самых общих чертах, заключается в понимании литературы, поэзии как некоего Божьего дара, позволяющего людям открывать непостижимую другими способами правду, которая может стать ступенью к высшей Божьей правде. Этот взгляд, согласно которому литература на столь высоком месте вводится в иерархию ценностей, восходит к принадлежащему апостолу Павлу представлению о том, что душевное развитие человека предшествует его духовному развитию: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор. 15, 44). Литература не только сохранила, но и блистательно развила способность открывать правду, обращаясь не только к сердцу, но и уму человека. И практически всегда, во всех цивилизациях литература в ее лучших образцах была признана обязательным элементом воспитания детей – так было и в дореволюционной христианской России.

Литература и мировая поэзия являют нам глубину и сложность человеческой личности, убеждая нас в том, что человек не является продуктом среды и производственных отношений, а представляет для нас нечто гораздо более сложное и значительное. В этом возрождении, возвращении разрушенного мира, восстановлении связи с ним огромную

и совершенно особую роль играла русская классическая литература. Она практически первая открывала нам ту Россию, которая была когда-то, разделение добра и зла, устойчивой ушедшей жизни, а также представления о чести и милосердии, совести, которые долго существовали в советском обществе как пережитки старого, не давая окончательно вытравить человеческое из человека. И что, может быть, самое важное, вера в Бога, объявленная ложью, нелепым пережитком, уделом отсталых старух, «опиумом для народа», представала со страниц этих книг важнейшей частью человеческой жизни, объектом сложнейших размышлений и трудных и мучительных сомнений. И поразительны те высота и свет, которыми были исполнены обладающие верой или обретшие ее герои русских классических книг. Несмотря на все запреты и давление властей продолжала существовать подлинная литература – гонимые, издаваемые, писали Ахматова, Булгаков, Пастернак, Цветаева и Мандельштам, Твардовский. Символом новой подлинной литературы стали А. Солженицын и такие разные по масштабу и характеру дарования писатели и поэты, как Шаламов, Распутин, Астафьев, Искандер, Бродский, Абрамов, Белов...

В одном из писем Ф. М. Достоевского находим: «Над всем этим (литературой), конечно, Евангелие, Новый Завет в переводе. Если может читать в оригинале (по-церковнославянски), то есть всего бы лучше, Евангелие и Деяния апостольские – непременно».

Осознавая, что понимание духовной жизни народа, объяснение рожденных в ней слов и образов возможно лишь при знании ключевых текстов, составивших эту культуру, приходим к выводу о необходимости знакомства на уроках литературы с Библией как одним из ключевых текстов европейской и в том числе русской культуры.

Отказавшись в свое время от Библии как от основы христианского вероучения, мы отказались еще и от важнейшего канонического текста, содержание и значимость которого, безусловно, не исчерпываются его религиозным аспектом.

Пытаясь вернуть Библию в школу, необходимо взглянуть на нее, прежде всего, как на один из первых письменных текстов (переводных), представляющий собой экономный свод текстов, включающий разные жанры. Смысл уроков по изучению Библии – не обзор с историческим комментарием. Цель занятий – донести до учащихся художественное совершенство и религиозно-гуманистическое, человеческое содержание величайшего памятника мировой культуры, помочь им почувствовать своеобразие поэтического языка Библии, ее высочайшую художественность; определить значение Библии в контексте мировой литературы.

Библия является литературным памятником, легшим в основу всей нашей письменной словесной культуры. Образы и сюжеты Библии вдохновляли не одно поколение писателей и поэтов. На фоне библейских литературных историй мы часто воспринимаем сегодняшние события. В этой книге есть начала многих литературных жанров. Молитва, псалмы нашли продолжение в поэзии, в песнопениях... Многие библейские слова и выражения стали пословицами и поговорками, обогатили нашу речь и мысль... Множество сюжетов легло в основу рассказов, повестей, романов писателей разных народов и времен.

«Русская литература задачу свою и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих, – отмечает М. М. Дунаев. – Вот откуда идет признание совести мерилем всех жизненных ценностей».

Это чутко воспринял и точно выразил Н. А. Бердяев: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и мотивы были сильнее, чем в какой-либо ли-

тературе мира. Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры».

Учащемуся, знакомому с Библией, не приходится навязывать свое объяснение при чтении таких произведений, как «Пророк» А. С. Пушкина или М. Ю. Лермонтова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Стихотворения Юрия Живаго» из романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», И. Шмелева «Лето Господне» и др. Такой ученик сам уже ориентируется в литературе, умеет самостоятельно сопоставить «Иуду Искариота» Л. Андреева и сочинение булгаковского Мастера, причем в их отношении к Библии. Чтобы организовать работу с детьми по изучению произведений в сопоставлении с библейскими текстами, мы разработали дидактические материалы, которые состоят из системы вопросов и заданий к произведению (или эпизоду) и карточки-информатора. Карточка-информатор включает в себя тексты из Священного Писания, справочный материал из энциклопедий, словарей, произведения или отрывки из произведений писателей или поэтов (для сопоставления), выдержки из критических работ литературоведов.

На наш взгляд, Библия как ключевой текст культуры должна использоваться в школьном курсе литературы. Она возвышает детей духовно и трогает их эмоционально.

«Народ, забывший свою культуру, исчезает как нация», – писал А. С. Пушкин. Во избежание этого надо позаботиться, чтобы наши дети стали не только наследниками своей отечественной культуры, но и продолжателями ее лучших традиций. И главная роль в этом принадлежит учителю литературы.

Обращаясь к изучению на уроках литературы в старших классах классических произведений XIX–XX веков с точки зрения использования в них христианских сюжетов и образов, решаем следующие задачи:

- приобщение к духовному наследию своего народа;
- воспитание любви и уважения к Родине, к своему народу, к его культуре, традициям;
- формирование у учащихся умения определить свое отношение к прочитанному, интерпретировать канонический текст в контексте творчества того или иного писателя.

Знакомство с основными художественными версиями христианских сюжетов поможет учащимся осмыслить ценностные ориентации современной культуры.

Выдающийся ученый, лингвист, филолог и философ М. М. Бахтин справедливо отмечает: «В каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей истории жизни культуры. Античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем. Та дистанция во времени, которая превратила греков в древних греков, имела огромное преобразующее значение: она наполнена раскрытием все новых и новых смысловых ценностей, о которых греки действительно не знали, хотя сами и создали их» [1].

Одна из реалий современной жизни – подмена ценностей. В связи с этим замечанием нельзя не привести в качестве иллюстрации комментариев к поэме о Великом инквизиторе известного английского писателя Д. Лоуренса: «Я перечитываю “Великого инквизитора”, и у меня падает сердце... Я слышу окончательное опровержение Христа. И это разрушительный итог, потому что он подтверждается и долгим опытом человечества. Тут реальность против иллюзий, и иллюзии – у Христа, тогда как само течение вре-

мени опровергает его реальностью... Нельзя сомневаться, что Инквизитор произносит окончательное суждение Достоевского об Иисусе. Это суждение, увы, таково: «Иисус, ты ошибся, людям приходится поправлять тебя». И Иисус в конце концов молчаливо соглашается с Инквизитором, целуя его, как и Алеша целует Ивана» [2].

Подобное парадоксальное прочтение Достоевского, причем предпринятое мастером психологического романа, еще раз убеждает в том, что в XXI веке обострилась проблема понимания христианских традиций и смысла их интерпретации.

Полемическое осмысление Библии актуально в науке, публицистике, художественной литературе. Говоря на уроках литературы об использовании христианских сюжетов и образов, необходимо помнить, что перед нами интерпретации канонического текста в творчестве того или иного писателя, но никак не копирование библейских историй и не попытка какого-либо автора создать свое Писание.

Интерес к Библии не ослабевает у ученых, философов, писателей на протяжении веков. Необходимость обращения к Библии, ее огромное воспитательное значение подчеркивал Л. Толстой: «Заменить эту книгу невозможно». А. С. Пушкин называл ее «ключом живой воды». Обращение к Библии на уроках литературы – это вытеснение бездуховности, поразившей нас, возрождение русского самосознания.

«Быть русским – значит не только говорить по-русски. Быть русским – значит верить в Россию так, как верили в нее русские люди, все ее гении и строители. Без веры в Россию нам не возродить ее» (И. Ильин).

Тема гармоничной, созидательной, нравственной жизни для людей и во имя них выявляет значительную черту русской классики – азбуку приобщения к христианству – православию.

Православие в художественном контексте русской классики – это всегда минута наивысшего напряжения исканий и судеб героев.

Герои Достоевского, обращаясь к Евангелию, познают высшую духовность, идут к самоочищению и вере. Азбука христианства дана (например, в «Братьях Карамазовых») через своеобразный гуманистический «цикл» возрождения героев – от греха к искуплению, покаянию и братству в любви. Созвучны Достоевскому и размышления Л. Толстого, который убежден, что путь христианства не в обрядах, свечах, иконах, «а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не сулили, не убивали друг друга». «Верю в Бога, которого понимаю как Дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне, и я в нем», – писал Л. Толстой.

Самобытная особенность русской классики XIX века еще и в том, что величие христианской любви и всепрощение активно взаимодействуют с особым типом любви женщины и мужчины, мерилom которой является христианская любовь – прощение и отречение во имя блага других. Русская художественная культура открыла своеобразный критерий: каков герой в сфере любви, таков и его социально-нравственный потенциал, степень его зрелости, ответственности. Русский тип любви, чаще всего, самоотвержен, он возвышает того, кто любит, и озаряет великим светом любимого. Это – великая работа души, победа над эгоизмом. Это и дар небес, и богатство духа с его безграничной целеустремленностью к совершенству. Имея в виду этот тип любви, Достоевский в речи о Пушкине сказал о ней как о важнейшем национальном достоянии, как о высшем типе русской духовности, выходя к России, ее святыням, русскому народу. Русский тип любви как мера жизни и преодоления смерти, покаяния и очищения с особой верой выражен в русской классике XIX века.

Русская литература всюду проявляется как сила интеграции: она останавливает распад в своем необоримом стремлении к цельности. На пути к обретению этой цельности – гуманизм и гуманность. Гуманизм как культ высокой личности и гуманность как культ.

Примечания

1. Четина Е. М. Евангельские образы и сюжеты, мотивы в художественной культуре. Проблемы интерпретации. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 3–4.
2. Четина Е. М. Цит. соч.